

Катриона Силви

Любовь и прочие парадоксы

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С 36

Catriona Silvey
LOVE AND OTHER PARADOXES
Copyright © 2025 by Catriona Silvey
This edition published by arrangement with Diamond Kahn
& Woods Literary Agency
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Виктории Яковлевой

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-29389-2

© В. Г. Яковлева, перевод, 2025
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Запрокинув голову, Джо в тишине библиотеки имени Рена смотрел в холодные глаза прославленного поэта.

Скульптор поместил его среди развалин древнегреческого храма: вытянутая нога покоится на обломке колонны, в изящных пальцах одной руки зажат карандаш, кончик которого упирается в подбородок, в другой поэт держит уже готовую книжку своих стихов. Красивый лоб нахмурен, взгляд устремлен в пространство. Джо поймал себя на том, что он бессознательно копирует позу поэта: одной рукой подпер подбородок, взгляд скользит по черно-белой плитке библиотечного пола. Сидящая у окна в нише девушка подняла глаза от книги, и их взгляды встретились. Ей, видимо, показалось, что он смотрит на нее, и она улыбнулась. Джо уже хотел улыбнуться в ответ, но вовремя вспомнил, что сейчас ему надо выглядеть исполненным глубоких и поэтичных дум. Он нахмурился, перевел глаза на окно с витражом. Потом незаметно покосился на девушку, но та уже снова погрузилась в свою книжку.

— Лорд Байрон, — раздался у него за спиной чей-то голос. — Знаете, он тоже учился здесь.

От неожиданности Джо вздрогнул и, по обыкновению, виновато ссутулился. Говоривший был одним из сотрудников Кембриджа в черной форменной одежде — эти люди встречались здесь повсюду. Их называли по-разному: прелекторы, прокторы или просто дежурные, и, казалось, они всегда появляются перед тобой словно из ниоткуда. У Джо на сей счет была своя гипотеза: он считал, что, когда долго стоишь не двигаясь, эти люди оказываются рядом, просачиваясь сквозь мраморные стены.

— Знаю, — отозвался Джо.

Он оказался здесь именно затем, чтобы напомнить себе, что и Байрон когда-то стоял, где стоит теперь он, а это значит, что его собственный удел будущего великого поэта не столь уж недостижим. Байрон, конечно, не смотрел на статую, изображающую его самого, если только наряду с сочинением стихов и бесконечными любовными похождениями он не изобрел машину времени.

— Держал у себя в комнате живого медведя, — заметил человек в черной форме. — Любовник был легендарный, конечно.

Джо почувствовал, что его распирает смех.

— Кто, медведь?

Мужчина посмотрел на него взглядом, в котором читалась жалость, изрядно приправленная досадой:

— А вы, собственно, кто? Вы учитесь в этом колледже?

Джо напрягся, в очередной раз почувствовав себя тут лишним; ощущение это не покидало его последние два года.

— Нет. То есть я, конечно, студент Кембриджа, но не Тринити.

Мужчина тяжелой рукой похлопал его по плечу:

— В таком случае, боюсь, придется попросить вас уйти отсюда.

Трава снаружи была обильно покрыта росой, в каплях которой сверкало осеннее солнце. От реки дул прохладный октябрьский ветер, насквозь пронизывающий его дешевое пальто. Джо поспешил мимо немислимо красивых, словно великолепные театральные декорации, зданий колледжа, так непохожих на приземистые рыбацкие домики, среди которых он прожил первые восемнадцать лет жизни. Теперь, в начале третьего года студенчества, он почти не обращал на архитектуру внимания. Красота бросалась в глаза лишь в такие минуты, когда он вдруг отчетливо понимал: через восемь коротких месяцев учеба окончится и его выбросят из Нарнии обратно в охваченную войной Англию. Вернее, в глушь Шотландии, где он продолжит работу в деревенском пабе, не имея никаких доказательств того, что пребывание здесь, в ином мире, ему не приснилось. Если только не найдет способа доказать всем, что его место всегда было тут, среди творцов истории страны; что впустили его сюда по праву и это не оказалось ужасной, постыдной ошибкой.

Выходя через сводчатую арку Больших ворот за территорию Тринити-колледжа, Джо был настолько погружен в свои невеселые думы, что на кого-то налетел.

— Извините! — выпалил Джо и посмотрел, кого же чуть не сбил с ног.

Это оказалась девушка с бледным лицом и необычными светло-зелеными глазами. Она откинула темные волосы на одну сторону, как делают здесь все шикарные девушки, словно их лицо обдувает ветер, которого остальные совсем не ощущают. Что-то в ней показалось ему отдаленно знакомым. Что именно — он не мог понять, пока не увидел надпись на ее толстовке: «Макбет 2004». Джо смотрел этот спектакль: в прошлом году он шел в театре «Эй-ди-си»¹, и девушка исполняла роль леди Макбет. Он помнил, что на сцене она была потрясающе, головокружительно хороша, своей игрой затмевала остальных актеров, как солнце затмевает пламя свечей.

Девушка, глядя на него, слегка вскинула изящные брови. Джо чувствовал, что у него появилась возможность что-то сказать, что в эту минуту он может изменить будущее, но никак не мог придумать ничего остроумного. Во взгляде девушки появилось презрение, и она пошла себе дальше.

Джо сжался в комок и поморщился.

— Вот Байрон не стоял бы как болван, — пробормотал он. — Байрон бы обязательно что-нибудь ей сказал.

На мостовую и тротуары Тринити-стрит падали косые лучи утреннего солнца, превращая опавшие листья в золотые пятна. Где-то в глубинах сознания откладывались эти яркие подробности; они

¹ Театр «Эй-ди-си» является основной площадкой для труппы Кембриджского университета и других местных трупп.

всплывут позже, а сейчас в мозгу вертелась мысль о том, что с самого начала учебы в университете он так и не закончил ни одного своего стихотворения.

Возле церкви Святой Марии Великой, как обычно, толпились группы туристов, которые, вытянув шеи и задрав головы, глазели на башню. Джо хотел было боком протолкаться мимо, как вдруг с тревогой заметил, что туристы одной из групп все как один с любопытством пялятся прямо на него.

Он остановился и воззрился на них в ответ. Большая часть смотревших отвернулись. Только одна девица взгляд не опустила и шагнула вперед. Какая-то странная, асимметричная стрижка, штаны в стиле милитари со множеством карманов — такие считались модными лет пять назад... Она смотрела на него, раскрыв от удивления рот, словно не верила собственным глазам. Джо тут же забеспокоился: а вдруг забыл вытереть на губах зубную пасту? Хотел было сделать это немедленно, но девицу схватила за руку и потащила за собой смуглокожая женщина лет тридцати, с завязанными в хвост каштановыми волосами и в форменном жилете, по которому в ней можно было опознать экскурсовода.

— Все, время вышло, — сказала она, сбивая всех в кучку и повела прочь.

Джо смотрел, как группа уходит по Кингс-Паркейд, а девушка в милитари-штанах украдкой бросает на него взгляды через плечо. Он поставил в уме галочку: как только вернется к себе в комнату, обязательно посмотрится в зеркало.

В каменных стенах его собственного колледжа никто почему-то не обращал на Джо никакого внимания. Успокоенный, он зашел проверить свою почтовую ячейку. Обычно в ней не было ничего, кроме бесплатных презервативов и листовок от Христианского союза, но в последнее время Джо обнаруживал странные предметы, словно бы подарки. То одинокую белую розу, то перьевую ручку, то брелок для ключей с цитатой из стихотворения, которого, как он выяснил, не существовало на свете. А сегодня там лежала бумажка с одним-единственным небрежно написанным словом: «Спасибо». С растущим ощущением смутной тревоги он скомкал ее, бросил в урну и направился вверх по лестнице.

В колледже существовало строгое правило: в комнатах общежития должны жить только друзья, но не пары, поскольку студенческие романы слишком непрочны и вряд ли продержатся девять месяцев учебного года. Против такой логики начальства Джо нисколько не роптал. Они с Робом дружили с первого курса — это уже было в девять раз дольше самых длительных его отношений с девушкой.

Прыгая через две ступеньки, Джо взбежал по лестнице: после лета, практически целиком проведенного на ногах, когда он бегом таскал приморским туристам бесконечные пинты с пивом, он взлетал до самого верхнего этажа, нисколько не запыхавшись. Джо отпер дверь и зажмурился от ярких солнечных лучей, сквозь высокие окна льющихся в комнату. Он любил их с Робом жилье горячо и безоговорочно. Любил общую гостиную, ее

продавленный диван и неработающий камин, полка которого была вся уставлена бутылками дешевого вина; любил свою спальню, откуда виднелся крошечный отрезок зубчатой крепостной стены, — при известной доле фантазии даже казалось, что живешь в замке. По узкому карнизу и водосточной трубе можно было попасть на тайную террасу, откуда открывался вид на Кингс-колледж. Правда, Джо так ни разу и не попробовал это сделать: страшно было, что он оступится, разобьется насмерть и память о нем останется лишь в виде коротенькой заметки в местной газете, где посетуют о его пропавших втуне способностях.

Роб изучал физику, но его истинной страстью была игра под названием «Ассасины». Когда Джо вошел, он, раскрасневшийся, предельно сосредоточенный, с разметавшимися по лицу волосами песочного цвета, как раз мастерил из старых экземпляров студенческой газеты требушет.

— Доброе утро, Грини, — не поднимая головы, приветствовал Роб друга.

Джо пробормотал что-то невнятное и сразу прошел в свою спальню. Открыв ящик письменного стола, достал игрушечную шотландскую корову, которую подарила мать-шотландка, чтобы он не забывал о своих корнях, игрушечный лондонский автобус, подарок отца-англичанина, и игрушечного пингвина, подаренного сестрой Кирсти: пингвин, мол, очень напоминает ей брата. Под всем этим была спрятана стопка тетрадок, исписанных стихами. Джо пролистал их, хотя заранее знал, что того самого стихотворения не найдет. Ни одно из этих

произведений — ни эпические поэмы, которые он лихорадочно набрасывал еще подростком, ни отрывки, которые он с муками выдавливал из себя слово за словом после приезда в Кембридж, — не удовлетворяло его даже приблизительно. Голова пылала, мозг словно раскалился добела и непрерывно искрил, но на страницу ни одна искорка так и не попала.

Закрыв лицо ладонями, он застонал.

— О чем ты там стонешь, у тебя трагедия, что ли, случилась? — окликнул его из гостиной Роб.

Слегка пошатываясь, Джо вышел из спальни и рухнул ничком на диван.

— Я никогда не стану великим поэтом, — пожаловался он в подушку. — С таким же успехом можно просто сидеть в мусорном баке и ждать смерти.

— Но ведь есть нечто среднее между «великим поэтом» и «смертью в мусорном баке». Например, неплохая работа на государственной службе. Как тебе?

— Ну нет, лучше уж помереть в мусорном баке. Да и вообще, чтобы получить неплохую работу на государственной службе, нужен хороший диплом, а, по словам доктора Льюис, мне его не видать как собственных ушей.

Джо поморщился, предвкушая, что скажет завтра утром его научная руководительница, когда они встретятся на еженедельной консультации по дипломной работе. Вероятность провала была вполне реальной и постоянно росла. По ночам ему иногда снились кошмары: возвращение домой в Шот-

ландию, плохо скрываемое разочарование на лицах родителей, самодовольное злорадство на лицах всех, кто считал Джо идиотом уже за то, что он вообще подал заявление в университет.

— Это предложение, конечно, радикальное, но почему бы, Грини, не прислушаться к ее советам? В этом году у тебя диплом. Может, с поэзией лучше пока повременить и сосредоточиться на том, ради чего ты, собственно, и находишься здесь?

Джо перевернулся на спину и уставился в потолок. Ожидания его семьи, растущая задолженность банку, ссуды, которые он так или иначе должен отдавать, — все говорило о том, что Роб прав: главное — закончить университет, получить работу, и тогда не придется жить, а то, глядишь, и умирать в мусорном баке. Но на самом-то деле от жизни он хотел только одного, и невозможность исполнения мечты в настоящий момент не делала ее менее значимой.

— На себя посмотри. — Джо перевел стрелки. — Может, хватит уже понарошку убивать людей, пора сосредоточиться на том, для чего ты сам здесь торчишь?

— Ты же в курсе, в чем дело, Грини. Я должен нанести окончательное поражение своему заклятому врагу.

— Ну да, конечно. Смертоносному мистеру Дарси.

Вообще-то, Джо заклятого врага Роба ни разу не видел. Знал только, что в конце первого курса у них была стычка, которая закончилась гибелью Роба от выстрела синим конфетти.

— Напомни, какой у тебя псевдоним?

— Энтропия, — ответил Роб и принял драматическую позу. — В конце концов она накроет тебя.

— Для физика, который знает, что это такое, совсем не смешно.

— Хватит менять тему. У тебя-то заклятого врага нет. Какое тогда у тебя оправдание?

Джо вспомнил про статую, стоящую уже сто семьдесят лет после того, как поэт испустил последний вздох, и ответ пришел в голову легко:

— Хочу, чтобы меня помнили.

Признаться в этом было до смешного претенциозно. Но Роб просто кивнул, как будто и для него в таком заявлении имелся какой-то смысл.

— Ладно. Значит, чтоб не забыли. А я-то думал, что ты уже давно начал. Разве не ты выиграл конкурс лимериков¹, как его, «Тартан», что ли?

— Шотландскую премию молодого поэта, — поправил его Джо. — Это когда было? Мне тогда только пятнадцать лет исполнилось. И что я сделал с тех пор? На первом курсе предложил стихотворение в антологию Мэйса², и его отклонили, сказали — «слишком наивно».

Эта фраза до сих пор звучала у него в ушах каждый раз, когда он садился что-нибудь сотворить.

— И смотри, с чем я столкнулся. — Он взял из стопки Роба журнал «Универ» и, пролистав, остановился на случайной странице. — Вот, пожалуй-

¹ Лимерик — популярная форма короткого юмористического стихотворения, построенного на обыгрывании бессмыслицы.

² Литературная антология Мэйса — ежегодная антология новых произведений студентов Оксфордского и Кембриджского университетов.

ста. Какой-то второкурсник, и уже получил заказ от Би-би-си.

— Выскочка, — презрительно фыркнул Роб. — Не обращай внимания. Плюнь и разотри.

— Не могу позволить себе. Из моей школы я первый, кто поступил в Кембридж, насколько мне известно. Дома все ждут, что я... ну не знаю... создам Луну или еще что-нибудь этакое...

— Луна уже есть, Грини. Придется придумать что-то другое.

— А моей стихией всегда была поэзия. Это моя настоящая работа. Это как... как...

— Как дыхание, — подсказал Роб, положив ладонь на сердце.

— Нет. Это не то же самое, что дыхание. Дышать неинтересно, дышать легко, дышать всякий умеет. Поэзия — это... раньше это было и весело, и трудно в лучшем смысле слова, и появлялось такое чувство, что я — больше, чем просто я.

Джо покраснел: если бы перед ним был не Роб, а кто-то другой, он ни за что бы не пустился в такие откровенности.

— Я подал заявление сюда, думая, что здесь превращусь в настоящего поэта, которым и должен стать. Но все вышло наоборот. Я вспоминаю о великих поэтах, которые учились тут раньше, и вижу, что мне до них бесконечно далеко.

— Грини, — сказал Роб, предварительно откашлявшись. — Ты помнишь, что случилось, когда я на первом курсе вступил в Гильдию ассасинов?

— Кто-то расстрелял тебя в упор из банана.

— Верно, — подтвердил Роб и сложил пальцы домиком. — И как же я на это ответил?

Джо скривился:

— Может, я плохой друг, но не помню.

— Я читал отчеты о каждой игре, начиная с великопостной девяносто третьего года, перерыл благословенные архивы, в которых и меня, надеюсь, когда-нибудь упомянут как мастера-ассасина. Я усвоил самый важный принцип игры: стань невидимкой. Но самое главное, я продолжал играть. Результат? Хотя мне еще ни разу не удалось победить, в каждой игре, в которой я с тех пор участвовал, я оставался жив как минимум до пятой недели.

— Ну и что ты хочешь этим сказать?

— А то, что ты попытался попасть в один престижный студенческий сборник и тебя не взяли. И что? Продолжай работать, продолжай пытаться.

Роб полез в карман и достал розовый лист бумаги. Скомкал в шарик, зарядил в свой требушет и запустил в Джо. Шарик попал тому прямо в лоб и отскочил в щель между диванными подушками.

— Но-но, полегче, — проворчал Джо.

Он вытащил шарик и развернул его.

Это была рекламная листовка, в которой сообщалось о поэтическом конкурсе. Его название было окружено ореолом из маленьких сердечек: «Стихи о любви на века». Идея конкурса заключалась в том, чтобы объединить начинающих студентов-писателей с актерами, которые исполняют лучшие стихи на празднике в День святого Валентина.

Джо представил, как в полной тишине театра «Эй-ди-си» со сцены несутся сочиненные им строч-

ки. И живо нарисовал себе будущее, которое начнется с этого момента, жизнь, которая в искусстве, слава, когда люди знают твои стихи и ценят их, передают из поколения в поколение, пока хаос твоего существования не будет перезаписан в созданных тобой совершенных произведениях.

— Ну, что скажешь? — спросил Роб.

— Когда крайний срок подачи? — выдохнул Джо.

— Не смотрел. Кажется, где-то здесь.

Он нашел искомое в самом низу листовки. Первое ноября 2005 года. То есть завтра.

Идеальное стихотворение, которое он уже отчетливо представлял, вдруг куда-то испарилось, оставив после себя ужас девственно-чистой страницы. О ком же писать любовные стихи? О девушке, с которой он встречался на первом курсе и которая бросила его через три месяца после знакомства, когда им стало совершенно не о чем говорить друг с другом? Или о девушке, которую он поцеловал возле туалета, когда в последний раз ходил в клуб, и которая пробормотала ему на ухо что-то о том, как любит фильм «Храброе сердце» и тут же отрубилась у него на плече, а потом так и не перезвонила?

— Только не это, — сказал Роб, угадав по лицу Джо, о чем он думает. — У тебя ведь есть какая-то великая Мысль, верно?

Откровение снизошло на него как стихотворение, элегантно и неотвратимо, концовка которого уже видится в первых строках.

— Все это время я думал примерно так: «Не могу поверить, что Роб сравнивает мою поэзию с пре-

быванием в Гильдии ассасинов». В том смысле, что ты убиваешь людей из банановых пистолетов и картонными мечами. Это же сущее притворство. Дешевая и бесстыдная насмешка над реальным, подлинным миром.

— Ладно, — пробормотал Роб. — Я вот твои увлечения не осуждаю.

— Так и моя поэзия точно такая же, — развел руками Джо. — Я сидел и пытался смастерить требушет из старых газет. Ведь я ни разу даже не был по-настоящему влюблен.

Все равно что смотреть на статую поэта и понимать огромную пропасть между тем, кто ты есть, и тем, кем ты хочешь быть.

— Ну да, в этом-то вся и штука, — добавил он.

— Нет. Штука не в этом. Штука в том, что на тебя давит само место. То есть ты пытаешься сочинять стихи, а сам все время чувствуешь, как на тебя пялится призрак лорда Байрона.

Джо даже вздрогнул:

— Откуда ты знаешь?

— У тебя на подбородке чернила. Ты опять сидел там в той же позе с ручкой в руке. Скажешь, нет?

Джо облизал палец и потер им подбородок.

— Грини! Брось ты читать этот несчастный «Универ». И пялиться на статуи идиотов-аристократов, которые заводили грязные отношения с собственными сестрами. — Лицо Роба вдруг осветилось новой мыслью. — Да и вообще, почему бы не сменить обстановку? Отправиться куда-нибудь в совершенно неожиданное место. Скажем... на Милл-роуд.

— Ты уже называешь совершенно определенное место.

— Вот и отлично. — Роб постучал пальцем по висящей на стенке таблице, где отмечал свой прогресс в игре. — По правде говоря, у меня в Хьюзхолле есть дела, но идти туда одному не очень хочется.

— Ладно, — вздохнул Джо. — Но потом я сразу вернусь, сяду в мусорный бак и буду ждать смерти.

— Договорились, — сказал Роб и посмотрел на часы. — Подожди минутку.

Он юркнул в свою спальню, через несколько минут появился снова, уже в зеленом жилете и соломенной шляпе.

Джо оглядел его с ног до головы:

— Это что, твой наряд убийцы?

— Без четверти час у меня на реке начинается смена. Переодеться не будет времени.

Роб подрабатывал, возя экскурсантов на лодке, что студентам формально было запрещено. Катая туристов по реке, он рассказывал им разные дикие выдумки про всех знаменитостей, которые когда-то учились в Кембридже.

— Давай-давай, шевелись, Грини! — Роб хлопнул в ладоши. — Стихи сами себя не напишут.

Джо сунул в карман чистый блокнот, рекламную листовку и двинулся за Робом. Они вышли за пределы территории колледжа. На другой стороне улицы скучающим взглядом на него смотрела женщина-экскурсовод в форменном жилете. Джо повернул налево, и она направила свою группу по противоположному тротуару в ту же сторону.

— Видишь вон ту женщину? — наклонившись к Робу, негромко спросил Джо.

Силви К.

С 36 Любовь и прочие парадоксы : роман / Катриона Силви ; пер. с англ. В. Яковлевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 432 с.

ISBN 978-5-389-29389-2

Для каждой истории есть свое время. Особенно для истории любви.

Кембридж, 2005 год. Джо Грин, не слишком успешный студент и еще менее успешный поэт, мечтает о славном будущем, где его стихи знают все. И внезапно это будущее находит его.

Джо сталкивается с Изи, прибывшей из 2044 года в составе экскурсионной группы. Тема экскурсии? Великий поэт Джозеф Грин и его любовная лирика, посвященная некой Диане Дартнелл, с которой они вместе учились в Кембридже.

Впрочем, саму Изи поэзия не интересует и экскурсия для нее не цель, а средство: в это время и в этом месте случится событие, которое она очень хочет предотвратить, чтобы изменить будущее. Значит, предопределения не существует? Значит, и мужа — любовь всей жизни, и прославившие Джо стихи, и толпы поклонников могут исчезнуть из-за любого неосторожного поступка? Ни Джо, ни Изи не знают ответа, но решают помогать друг другу. Постепенно молодые люди сближаются, и Джо уже не понимает, чего хочет на самом деле: ни в коем случае не переписать прежнюю историю или на свой страх и риск попытаться написать совершенно новую?

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

КАТРИОНА СИЛВИ
ЛЮБОВЬ И ПРОЧИЕ ПАРАДОКСЫ

Ответственный редактор Евгения Бессонова
Редактор Элеонора Шорина
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ульяна Смирнова, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.11.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 26,46. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-SPJ-38584-01-R